
Ответ на письмо поэтессе В. А. Меркурьевой (меня давно знавшей)

— «В одном Вы ошибаетесь — насчет предков»...

Ответ: отец и мать — не предки. Отец и мать — исток: рукой подать. Даже дед — не предок. Предок ли прадед? Предки — давно и далёко, предки — череда, приведшая ко мне, ...

Человек, не чувствующий себя отцом и матерью — подозрителен. «Мои предки» — понятие доисторическое, мгла (туман) веков, из к<отор>ой наконец проясняются: дед и бабка, отец и мать, — я.

Отец и мать — те, без к<отор>ых меня бы не было. Хорош — туман!

То, что я, всё, что я — от них (через них), и то, что они всё, что они — я.

Даже Гёте усыновил своего маниакального отца:

Von Vater hab ich die Statur,
Des Lebens ernstes Fuhrena,
V<on Mutterchen die Fohnatur>
U(nd Lust zu fabulieren)*.

А Марк Аврелий — тот просто начинает:

Отцу я обязан...* — и т. д.

[Отцу обязан ростом я,
Серьезной в жизни целью,
<От матушки — любовь моя
К рассказам и веселью.>
(Пер. с нем. Н. Л. Холодковского.)]

Без этой обязанности отцу, без гордости им, без ответственности за него, без связанности с ним, человек — СКОТ.

— Да, но сколько недостойных сыновей. Отец — собирал, сын — мот...

— Да, но разве это мой случай?

Я ничем не посрамила линию своего отца. (Он поставил) Он 30 лет управлял Музеем, в библиотеке к<оторо>го — все мои книги. Преемственность — налицо.

— «Отец, мать, дед»... «Мы Москву задарили»... «Да Вы-то сами — что дали Москве?»

Начнем с общего. Человек, раз он родился, имеет право на каждую точку земного шара, ибо он родился не только в стране, городе, селе, но — в мире.

Или: ибо родившись в данной стране, городе, селе, он родился — по распространению — в мире.

Если же человек, родясь, не имеет права на каждую точку земного шара — то на какую же единственную) точку земного шара он имеет право? На ту, на к<отор>ой он родился. На свою родину.

Итак я, в порядке каждого уроженца Москвы, имею на нее право, п.ч. я в ней родилась.

Что можно дать городу, кроме здания — и поэмы? (Канализацию, конечно, но никто меня не убедит, что канализация городу нужнее поэм. Обе нужны. По-иному — нужны.)

Перейдем к частному.

Что «я-то сама» дала Москве?

«Стихи о Москве» — «Москва, какой огромный странноприимный дом...» «У меня в Москве — купола горят»... «Купола — вокруг, облака — вокруг»... «Семь холмов — как семь колоколов»... — много еще! — не помню, и помнить — не мне.

Но даже — не напиши я Стихи о Москве — я имею право на нее в порядке русского поэта, в ней жившего и работавшего, книги к<оторо>го в ее лучшей библиотеке. (Книжки нужны? А поэт — нет?! Эх вы, лизатели сливок!)

Я ведь не на одноименную мне станцию метро и не на памятную доску (на доме,

к<отор>ый снесен) претендую — на письменный стол белого дерева, под к<оторы>м пол, над к<отор>ым потолок и вокруг к<оторо>го 4 стены.

Итак, у меня два права на Москву: право Рождения и право избрания. И в глубоком двойном смысле —

Я дала Москве то, что я в ней родилась.

Родись я в селе Талицы Шуйского уезда Владим<ирской> губернии, никто бы моего права на Талицы Шуйского уезда Владим<ирской> губ<ернии> не оспаривал.

Перейдем к частному.

Что «я-то сама» дала Москве?

«Стихи о Москве» — «Москва, какой огромный странноприимный дом...» «У меня в Москве — купола горят»... «Купола — вокруг, облака — вокруг»... «Семь холмов—как семь колоколов»... — много еще! — не помню, и помнить — не мне.

Но даже — не напиши я Стихи о Москве — я имею право на нее в порядке русского поэта, в ней жившего и работавшего, книги к<оторо>го в ее лучшей библиотеке. (Книжки нужны? А поэт — нет?! Эх вы, лизатели сливок!)

Я ведь не на одноименную мне станцию метро и не на памятную доску (на доме, к<отор>ый снесен) претендую — на письменный стол белого дерева, под к<оторы>м пол, над к<отор>ым потолок и вокруг к<оторо>го 4 стены.

Значит, всё дело в Москве — миров<ом>городе. А какая разница — Талицы и Москва?

Но «мировой город» — то она стала — потом, после меня, я — раньше нынешней, на целых 24 года, я родилась еще в «четвертом Риме» и в той, где

...пасут свои стада

Патриархальные деревни

У Патриаршего пруда

(моего пруда, пруда моего младенчества).

Оспаривая мое право на Москву, Вы оспариваете право киргиза на Киргизию, тунгуса на Тунгусию, зулуса на Зулусию.

Вы лучше спросите, что здесь делают 3 ½ милл<иона> немосквичей и что они Москве дали.

— Право уроженца — право русского поэта — право вообще — поэта, ибо если герм<анский> поэт Р<ильке>, сказавший<: >

Als mich der grosse Ivan ans Herz schlug** [Когда Иван Великий ударил меня по сердцу... (нем.)], на Москву не вправе... то у меня руки опускаются, как всегда — от всякой неправды — кроме случая, когда правая — в ударе — заносится.

Все права, милая В<ера> Ал<ександровна>, все права, а не одно.

Итак, тройное право, нет, четверное, нет, пятерное: право уроженца, право русского поэта, право поэта Стихов о Москве, право русского поэта и право вообще поэта:

Я — вселенной гость,

Мне—повсюду пир.

И мне дан в удел —

Весь подлунный мир!

И не только подлунный!

МЦ.

14 сент<ября> 1940 г. (NJ! чуть было не написала 30 г. А — хорошо бы!)

Меркурьева Вера Александровна (1876—1943) — поэтесса, переводчица. Публиковалась в альманахах и периодических изданиях. Участвовала в московском литературном кружке «Зерна» (1917—1918). Выпустила единственную книгу — переводы Шелли (Москва, 1937).